

ГЛЕБ ЕНГОВАТОВ*

ФИЛОСОФИЯ ГОББСА КАК ИСТОЧНИК ПЕССИМИЗМА**

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ДЖОНА ГРЕЯ «НОВЫЕ ЛЕВИАФАНЫ»

GRAY J. THE NEW LEVIATHANS : THOUGHTS AFTER LIBERALISM. — LONDON : ALLEN LANE, 2023.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-1-284-295.

Нельзя сказать, что мы живем в спокойную и скучную эпоху. Мир переживает множество политических конфликтов и экономических проблем, даже природа преподносит нам рекордные климатические изменения. Почти каждый день происходит множество событий, которые опровергают идеи и прогнозы в сфере политико-философских исследований и требуют активного осмысления. В прошедшем году Джон Грей, британский политический философ и бывший профессор Оксфорда, опубликовал книгу под названием «Новые Левиафаны» («The New Leviathans: Thoughts After Liberalism»). Автор считается влиятельным исследователем и критиком в области теории либерализма. В прошлом он высказал ряд весьма справедливых предположений, например, сомнения в «Конце истории». Основой его трудов являются исторические исследования, призванные выявить корни современных событий. Широко известен критический анализ Просвещения в «Поминках по Просвещению» («Enlightenment's Wake», 1997; Gray, 1997) и «Фальшивом Рассвете» («False Dawn: The Delusions of Global Capitalism», 1998; Gray, 1998).

В «Новых Левиафанах» представлено обращение к политической философии Томаса Гоббса. Интригующим фактом является то, что авторские раздумия над гоббсовским наследием делятся уже добрые шестьдесят лет, буквально со школьной скамьи (Gray, 2023: 130). Такая

*Енговатов Глеб Кириллович, студент магистратуры, Российский государственный гуманитарный университет (Москва), gleb.engovatov@inbox.ru, ORCID: 0009-0000-3223-1442.

**© Енговатов, Г. К. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

значительная подготовка побуждает особый интерес. Подзаголовок «Мысли после либерализма» намекает на наше текущее положение дел.

Многолетние размышления дополняются иллюстрирующими экскурсами к различным событиям мировой истории. В прошлом Грей уже создавал компиляции: например, широко известные «Поминки по Просвещению» почти полностью собраны из ранее опубликованных статей (Gray, 1997: v). В рассматриваемом мной издании значительная часть текста также является отдельными статьями, ранее представленными в виде публикаций в журнале «New Statesman» или интервью на радио BBC. В коротком обзоре едва ли получится разобрать все примеры из области истории и культуры, поэтому остановимся на ключевых тезисах о нынешней политической философии и на наиболее важных примерах.

Введением ко всей книге служит начальный параграф первой главы, в котором констатируется неутешительное состояние современной политической сферы: в Китае построен цифровой Паноптикон, а на Западе предельно радикализировались левые течения. Ссылаясь на свою раннюю работу, Грей выделяет отличительные особенности либеральной доктрины: индивидуализм, эгалитаризм, универсализм и мелиоризм. (Gray, 2023: 11). Частично эти тенденции выродились до абсурда, местами же их реализации противостоит жестокая действительность политики. Томас Гоббс не только внес значительный вклад в формирование и обоснование либерализма, но и наметил некоторые проблемы, которые привели к его нынешнему провалу.

Гоббс немало работал с античной философией, но его учение порывает со многими древними и средневековыми идеями. Теория желаний (*appetitus*) исходит из отрицания представлений о *finis ultimis* или *summum bonum*. Грей особенно отмечает, что для Гоббса отсутствие сакрального не приводит к свободе воли, а оставляет нас наедине с законами материальной природы. Воля человека является не способностью к произволу, а лишь актом выражения страстей и склонностей. Более того, интеллектуальные способности животных в своей сути схожи с человеческими и также позволяют им совершать акты воли. Человек и животное объединены тем, что в полной мере управляются механикой природных законов. Решающей страстью в человеке является «обдумывание» (*deliberation*, от лат. *libro* — взвешивать). Но в этом обдумывании мышление не свободно, оно обусловлено поиском наилучшего решения: «Это кладет конец нашей свободе (*liberty*) делать или не делать что-то сообразно нашему желанию или отвращению» (Гоббс, Гутерман, 1991: 45). Это

не противоречит дальнейшей теории общественной жизни и государства у Гоббса, но такой взгляд ставит под вопрос нынешние варианты либеральной идеологии.

Основной темой критики Грея является создание «искусственных богов», то есть возведение в статус абсолюта определенной идеологической ценности или цели. Грей здесь пессимистичен. С его точки зрения, постулирование абсолютной и универсальной идеи редко окажется успешным. Идеи Гоббса, как мы увидели выше, демонстрируют скепсис в отношении таковой возможности. В современном секуляризованном мире традиционные христианские ценности заменяются политическими утопиями. Гоббса же современники обвиняли в атеизме, хотя он имел мало общего с нынешним секулярным мировоззрением, поскольку последнее предполагает свободного человека с активной способностью к созданию «искусственных богов». Понятие абсурда в «Левиафане» ведет к критике данного стремления с точки зрения «малоизученной философии языка Гоббса» (Gray, 2023: 18).

Именно благодаря мышлению и языку человек уподобляется Богу в своем искусстве создавать искусственные тела. Но эти способности имеют и отрицательные стороны: абсурд появляется, если в размышлении отсутствуют определения понятий; ошибочно смешиваются субъекты и предикаты; предикаты ошибочно приписываются не обладающим ими субъектам, в том числе человеку; если используются метафоры и риторические выражения, а также бессмысленные имена. Примерами абсурда Гоббс называет понятия об акциденции хлеба в сыре, о невещественной субстанции, представление о свободном субъекте, о свободной воле или об иной свободе (ibid.: 19; Гоббс, Гутерман, 1991: 33). Отталкиваясь от этих представлений о свободе и об абсурде, Грей выражает скептицизм относительно целей либеральной доктрины. Создание всемирного объекта, некоего абстрактного человечества, для которого мы рассматриваем унифицированные ценности, является именно таким абсурдом. Соответственно, едва ли возможно распространение универсального порядка во всемирном масштабе.

В конце первой главы Грей возобновляет свою критику представления о конце истории, которую он ведет с начала девяностых годов прошлого века, и приводит примеры событий, демонстрирующих «классическую историчность» современности. Страны, сформировавшиеся в конце XX века, не спешат принимать западные правила игры. Оптимизм, вызванный распадом Советского Союза и переходом Китая к рыночной экономике, оказался огромнейшей иллюзией, за которой

последовало разочарование. Наконец, даже природа становится противником человека. Разрушительное развитие прогресса приводит к глобальному потеплению и катаклизмам. Ответом человечества становится адаптация и усложнение технологий. Опираясь на идеи историка науки Джорджа Дайсона, Грей указывает, что философская концепция Гоббса предвосхитила и это. В трактате «De Cogroge» разум рассматривается как вычисление, и, по Дайсону, это предвосхищает развитие искусственного интеллекта.

Вторая часть книги повествует об «искусственных естественных состояниях». Идеология защищает людей от поиска смысла жизни, предоставляя его самостоятельно. Но обратной стороной становится сильнейший контроль, в котором государство стремится «разделять и властвовать». «Новые Левиафаны» могут сделать людей такими же несчастными, каковыми они были в естественном состоянии. Например, при тоталитарном режиме всеобщего контроля граждане не могут доверять почти никому и испытывают постоянный страх. Современный западный «гипер-либерализм» постулирует полную свободу самоопределения личной идентичности. Возникают сильные сомнения в том, что это вообще достижимо, но даже без них таковая цель выглядит проблематичной. Во-первых, агрессивная идеология отрывает людей от их исторической, традиционной идентичности. Во-вторых, увеличивающееся количество искусственных идентичностей приводит к раздробленности общества и возвращению вражды, существовавшей в естественном состоянии.

Фактически, большая часть второй главы является повествованием о некоторых страницах истории Российской империи и Советского Союза. Это рассказ едва ли можно назвать полезным или интересным, и вовсе не потому, что российский читатель знает историю своей страны. Проблема заключается в выборе исторических событий, но об этом стоит отдельно сказать позже. Авторское исследование российской истории оправдывается несколькими целями. Некоторые русские писатели и философы предвидели нынешние проблемы человечества. Константин Леонтьев в своих трудах предугадал культурный распад западной цивилизации вследствие возвышения культа индивидуальности. Далее, некоторые персонажи из «Бесов» и «Братьев Карамазовых» Федора Михайловича Достоевского демонстрируют тот самый тип атеизма, который обозначен выше как не присущий Гоббсу, но широко распространенный в мире. Биография Василия Розанова используется для демонстрации того, как интеллектуал пострадал от революции. Экскурс

в историю Советского Союза призван показать схожие черты бытования коммунистической идеологии и современного «гипер-либерализма». Но это история в портретах. Вкратце описана судьба Даниила Хармса, Варлама Шаламова. Судьба Николая Бухарина иллюстрирует, как революция убивает своих собственных последователей. Случай польского художника Юзефа Чапского, пережившего репрессии, демонстрирует до абсурдности неожиданную силу случайности.

Третья часть книги посвящена критике современных левых движений. Либерализм и его ценности были порождением монотеистической, даже патриархальной, цивилизации. Христианство значительно сильнее чем другие религии акцентирует роль человека. По мнению Грея, в корне индивидуализма лежит представление о том, что человек сотворен «по образу и подобию». Равенство следует из того, что все равны перед Богом. Универсализм — из общего происхождения всех людей. Правда после развернутой критики христианства скромно указывается, что это разоблачение справедливо в первую очередь для протестантизма, а другие направления не стоит сюда записывать.

Грей считает, что радикализация либерализма в XXI веке выглядит абсурдно, потому что отрицает свою же основу. Деррида и Фуко не узнали бы развития своих идей в современном мире. К тому же, притязания сторонников либерализма на универсальность разбиваются о встречное равнодушие. В государствах за пределами Европы и Северной Америки мало кому интересна идеология вокизма (*woke ideology*), характеризующаяся либеральной и антиколониальной направленностью. «Гиперлиберализм» уже никого не освобождает и не эмансипирует, потому что в современном западном бытовании он превратился в первую очередь в инструмент легитимации сложившегося экономического устройства. Это мало раскрываться, возможно, здесь имеется в виду заигрывание крупных игроков рынка с модными политическими идеями ради получения прибыли.

Большая проблема нынешней цивилизации заключается в излишке элит (*surplus elites*), в первую очередь, интеллектуальных. Это университетские профессора, лидеры мнений в СМИ, работники некоммерческих организаций, политические активисты. Здесь коренится противоречие, уже давно преследующее левых интеллектуалов. Призывая к эмансипации, они сами являются «профессиональной буржуазией». С отсылкой на теорию Турчина и Парето автор пишет о конкуренции за деньги, должности, влияние среди интеллигенции. Грей высказывает подозрение, что ввергнутые в такую борьбу интеллектуалы будут прагматично

подстраиваться под идеологическую конъюнктуру ради личного достатка. Намечается пугающая тенденция к оценке научной деятельности ученого не по настоящим результатам, а по его отношению к «инклюзивности» и другим подобным понятиям. Таким образом, опять проявляется антиномичность либерализма. Радикальная критика направлена против системы, которая сделала ее возможной.

В параграфах главы, которые мы можем рассматривать вместо заключения ввиду отсутствия такового, перечислены некоторые мыслители, чьи идеи автор видит наиболее релевантными в наше время. Сабина Шпильрейн, ученица Фрейда, в своей версии психоанализа рассматривала Танатос и страсть к разрушению как главные стремления человека. Говард Филлипс Лавкрафт создал художественный образ слабого и одинокого человечества в жестком бездушном космосе. Наконец, упоминается Арнольд Гейлинкс, современник Декарта, описавший пессимистическую версию дуализма: его учение об абсурде отрицает возможность познать силы, движущие человеческой жизнью, их можно лишь принять. В XX веке философия Гейлинкса стала одним из источников вдохновения Сэмюэля Бекетта.

Возможно, искушенного исследователя не поразят подробности биографии и трудов Гоббса, представленные в книге. Но Грей проделал действительно большую работу в сопоставлении «Левиафана» с современностью. Становится понятно, что Гоббс очень хорошо наметил проблемные моменты либерализма, а нынешний мир во многом остался в парадигме его идейного наследства. С другой стороны, многие отсылки к Гоббсу являются авторской оптикой. Выше рассматривалась «вычислительная» модель несвободного человека как суммы его страстей. Но у самого Гоббса страхи совместимы со свободой — это утверждение даже вынесено в подзаголовок параграфа, где приводится довольно известный пример с плаванием на корабле:

...если человек из страха, что корабль потонет, бросает свои вещи в море, то он тем не менее делает это вполне добровольно и может воздержаться от этого, если пожелает (Гоббс, Гутерман, 1991: 164).

Таким образом, теория страстей и «обдумывания» примиряется с возможностью выбора. Трактовки Грея резонируют с остро социальными проблемами, но их нельзя назвать неоспоримыми. Автор также отмечает, что Гоббс пишет о возможности свержения суверена, и эта возможность становится основополагающей в европейской теории общественного договора. Но гоббсовская доктрина допускает становление

нового суверена в первую очередь в случае, если предыдущий уже отсутствует и государство ввергнуто в состояние гражданской войны.

Здесь необходимо сделать уточнение относительно концепции общественного договора у Гоббса. Автор сразу отмечает, что нам не следует придерживаться хронологического подхода к общественному договору. Одной из нерешенных задач Гоббса был поиск первых участников договора (*problem of first performer*), это отмечает и сам Грей. Создатель «Левиафана» жил в эпоху революции, и зачастую в его наследии акцентируют именно возможность изменения суверена, хотя она значительно ограничена. А естественное состояние и общественный договор следует трактовать не как исторические события, а как абстракцию, конструирующую модель политических отношений в государстве (Юрченко, 2005: 169–170). Дальнейшая теория общественного договора развивает эту тему. У Канта в значительной степени перекликается абстрактный характер договора и невозможность революции (Соловьев, 1974: 220). Авторский пессимизм в отношении воли человека мог быть дополнен отсутствием легитимной возможности изменения суверена. Но в книге лишь кратко оговаривается, что народ имеет право на гражданское сопротивление, и не указаны описанные выше уточнения.

Иногда бывает сложно хвалить чужие аналитические выкладки, потому что ошибки всегда ярко видны, а правильное и корректное описание действительности может восприниматься читателем как само собой разумеющееся. Поэтому отметим ряд актуальных замечаний Грея. Он абсолютно справедливо отмечает подвешенное состояние интеллектуала наше время. Вместе с этим приводится критика их универалистских притязаний. Автор же предлагает сфокусироваться не на преумножении классов, идентичностей в рамках одного миропорядка, а на разнообразии многих цивилизаций.

Любопытным моментом является указание на вестернизацию азиатских стран. Например, Индия поддерживает западные политические идеалы (федеративность, терпимость, гражданская нация) даже лучше, чем это делают в ЕС или США. Затем Грей справедливо критикует «Конец истории» Фукуямы как одну из величайших иллюзий нашего недалекого прошлого. Впрочем, обозначенные идеи взяты из ранее вышедших работ автора (Gray, 2016: 217–223).

Самым слабым местом книги стали попытки исторического анализа, они сильно проигрывают в качестве анализу истории идей. Крайне сложные темы, вроде Революции 1917-го года или советских репрессий, сжимаются здесь до считанных абзацев, а заинтересованный читатель

не всегда сможет найти ссылку на источник информации. И хоть я и не могу претендовать на всезнание в отношении отечественной истории XX века, но могу разобрать один из первых авторских примеров.

Исторические справки о внутренней политике России XIX и XX веков демонстрируют весьма поверхностный анализ. Прародителем всем известного «КГВ» был революционный «Чека», а в царское время им предшествовала некая мифическая «Охрана». Она насчитывала 161 сотрудника в 1895 году и 15.000 сотрудников в 1915 (Gray, 2023: 26). Пример используется для того, чтобы продемонстрировать усиление полицейского контроля на рубеже XIX–XX веков. Источника этих цифр не указано. Возникает вопрос: кого вообще автор рассматривает как орган политического розыска — Министерство внутренних дел или секретные службы царской канцелярии? Охранкой, полагаю, принято называть Охранное отделение Министерства внутренних дел России, хотя вместе с ним работало Третье отделение Императорской канцелярии, а с 1880-го года и Чрезвычайная комиссия. Картина безмятежной Российской империи, где было лишь полторы сотни сыщиков точно не соответствует действительности. К тому же, здесь явно не учитывается существование Отдельного корпуса жандармов, на подмогу которому могли приходиться казаки и повсеместно расквартированные части армии. Скачок в численности царской полиции реально объясняется, судя по всему, погрешностью в подсчетах. Впрочем, для нас не так важно количество сотрудников царского правительства, но данный пример показывает, что необходимо с осторожностью относиться к авторским историческим экскурсам.

В целом повседневные реалии Советского Союза описаны Греем на основании двух источников. И, к сожалению, это не специальные исследования, а воспоминания Юджина Лайонса (Евгений Натанович Привин) и Юзефа Чапского, посещавшего СССР с краткой рабочей поездкой, да еще и в военное время. Дальнейшие отсылки вызывают подозрение, что в них могут быть допущены подобные недоразумения. Значительная часть примеров-портретов на грани между интересными и неадекватными. Складывается впечатление, что Грей пытается найти наиболее общую схему, чтобы собрать под одним знаком все эпохи российской истории. Поэтому он привлекает концепцию сакральных «Истоков русского коммунизма» Николая Бердяева, чтобы использовать религиозность русского мировоззрения как причину трех (включая современный) этапов отечественной истории.

Оказывается, что все это нужно, чтобы проиллюстрировать цивилизационную раздробленность современного мира и заявить, что Россия, перенимая у Европы только консервативные идеи, никогда не принадлежала к эпохе Просвещения. Я не могу посвятить всю статью уточнению понятия Просвещения и его бытованиям в различных странах. Для этого потребовалось бы глубоко окунуться в XVIII век, когда Михаил Ломоносов учился у Христиана Вольфа, а Екатерина Великая вела частную переписку с Фридрихом II. К счастью, понимание Просвещения у Грея изложено в одной из предшествующих работ. По его мнению, представление о единстве цивилизации и необходимости рационалистического порядка восходят к французскому Просвещению (Грей, Переяславцева и др., 2003: 69). Именно этого якобы была лишена Россия. Нельзя в полной мере принять это. Начиная с XVIII века в отечественной среде были популярны и французская литература, и салоны по французскому образу. Большая часть аристократии с детства знала французский язык. Действительно, было жестоко подавлено восстание декабристов, вдохновленных идеями Французской революции. Но Грей также указывает, что идеи этой революции вошли в основу марксизма (там же). В таком случае, мы должны указать на их повсеместную победу в России в 1917 году.

Действительно, была и определенная специфика. Многие отечественные интеллектуалы учились в Германии, а не во Франции. Система образования во многом ориентировалась на немецкие университеты. Канта, например, видели в качестве авторитета в области права и «Писателя Государственного» (Круглов, 2014: 743), поэтому его работы были официально включены в университетскую программу с самого начала XIX века. К слову, идеи Гоббса получили значительное развитие в немецких университетах. Например, через работы Самуэля фон Пуффендорфа. Кратко говоря, Грей придерживается узкого понимания Просвещения, рассматривая только его французский вариант. Россия изгоняется из эпохи Просвещения за счет специального ограничения данного понятия.

Приведенное мнение о современном Китае подкрепляется достаточным подтверждением. Автор приводит опубликованное интервью Си Цзиньпина, где тот говорит, что Китаю необходим Левиафан. Также упомянуто публичное выступление китайского профессора, заявившего о попытках воплотить в жизнь политическую теорию Карла Шмидта (Gray, 2023: 38–39). Но в отношении российской действительности

допущено множество неточностей и упрощений. К ним присоединяется некорректное сравнение различных современных стран. Так, Грея удивляет то, что российские военнослужащие получают пастырское окормление от Церкви, но на деле это является общепринятой практикой по всему миру. Кроме того, коррупцию в западных странах автор описывает крайне мягко: «wealth buys power» (Gray, 2023: 24), но за пределами стран «первого мира» автор жестко клеймит коррупцию, прямо называя её клептократией. Остается большой вопрос, почему допускаются такие двойные стандарты, которые могут подорвать мнение читателя о всей книге.

Мы рассмотрели текст с очень обширной тематикой. Его объем в печатном виде составляет чуть меньше двухсот страниц. Тем не менее, под обложкой объединено множество разных тем, от малоизученных частей наследия Гоббса до современных климатических проблем и геополитических прогнозов на ближайшее будущее, от русской религиозной философии и до космических метафор в творчестве Г. Ф. Лавкрафта. Это срез нынешнего мнения автора относительно почти всех актуальных проблем, к тому же подкрепленный многолетними «медитациями» над наследием Гоббса. Однако такой широкий охват приводит к недостаточной проработке отдельных частей и пересказыванию поверхностных представлений вместо полноценного изложения фактов.

Публикация в британском научном издании «Allen Lane» свидетельствует о притязаниях автора на соответствующий статус работы, однако как читателя меня крайне огорчают небрежная структура текста и описанные выше проблемы с историческими экскурсами, нарушающие научные требования. Исторический анализ обладает недостаточной проработанностью, а многим высказываниям о современности, увы, не хватает социологического подтверждения. Несмотря на этот недостаток, работа представляет интерес как актуализация политических идей Гоббса в нынешнем мире. Подчеркивается различие их изначального и современного, видоизмененного, состояний, как в случае со свободой, абсурдом и созданием «искусственных богов». Но прекрасный теоретический анализ качественно отстоит от неудовлетворительной работы с историческим материалом. Для описания исторической реальности Грей опирается на романы Кёстлера и Замятина. Таким образом он приближает к художественной прозе и свою собственную книгу. Это наделяет работу флером научно-популярного стиля подобного тому, что автор использовал в «Кошачьей философии» и некоторых других работах.

ЛИТЕРАТУРА

- Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / пер. с англ. А. Гутермана // Сочинения. В 2 т. Т. 2 : пер. с англ. / под ред. В. В. Соколова. — М. : Наука, 1991. — С. 3–590.
- Грей Д.* Поминки по Просвещению : политика и культура на закате современности / под ред. Г. В. Каменская ; пер. с англ. Л. Е. Переяславцевой, Е. Л. Рудницкой, М. С. Фетисова. — М. : Праксис, 2003.
- Круглов А. Н.* Ранняя рецепция «Первых метафизических оснований учения о праве» Канта в России (конец XVIII — первая половина XIX веков) // Сочинения на немецком и русском языках. В 5 т. Т. 5 / И. Кант ; под ред. Н. Мотрошиловой, Б. Тушлинга ; пер. с нем. Н. Мотрошиловой. — М. : Канон+, РООИ «Реабилитация», 2014. — С. 723–825.
- Соловьев Э. Ю.* Теория «общественного договора» и кантовское моральное обоснование права // Философия Канта и современность / под ред. Т. И. Ойзермана. — М. : Мысль, 1974. — С. 164–235.
- Юрченко С. В.* Обоснование естественного права у Гоббса и Руссо и гражданско-правовая концепция Канта // Кант между Западом и Востоком. Труды международного семинара и международной конференции. В 2 т. Т. 2 / под ред. В. Н. Брюшинкина. — Калининград : БФУ им. И. Канта, 2005. — С. 169–178.
- Gray J.* Enlightenment's Wake Politics and Culture at the Close of the Modern Age. — New York : Routledge, 1997.
- Gray J.* False Dawn : The Delusions of Global Capitalism. — London : Granta Books, 1998.
- Gray J.* Gray's Anatomy : Selected Writings. — London : Penguin Books, 2016.
- Gray J.* The New Leviathans : Thoughts After Liberalism. — London : Allen Lane, 2023.

Yengovatov, G. K. 2024. "Filosofiya Gobbsa kak istochnik pessimizma [Hobbes' Philosophy as a Source of Pessimism]: retsenziya na knigu Dzhona Greya 'Novyye Leviafany' [A Review on John Gray's Book 'The New Leviathans']" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 8 (1), 284–295.

GLEB YENGOVATOV

MA STUDENT

RUSSIAN STATE UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0009-0000-3223-1442

HOBBS' PHILOSOPHY AS A SOURCE OF PESSIMISM

A REVIEW ON JOHN GRAY'S BOOK "THE NEW LEVIATHANS"

GRAY, J. 2023. *THE NEW LEVIATHANS: THOUGHTS AFTER LIBERALISM*. LONDON: ALLEN LANE

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-1-284-295.

REFERENCES

- Gray, J. 1997. *Enlightenment's Wake Politics and Culture at the Close of the Modern Age*. New York: Routledge.
- . 1998. *False Dawn: The Delusions of Global Capitalism*. London: Granta Books.
- . 2003. *Pominki po Prosveshcheniyu [Enlightenment's Wake]: politika i kul'tura na zakate sovremennosti* [in Russian]. Ed. by G. V. Kamenskaya. Trans. from the English by L. Ye. Pereyaslavtseva, Ye. L. Rudnitskaya, and M. S. Fetisov. Moskva [Moscow]: Praksis.
- . 2016. *Gray's Anatomy: Selected Writings*. London: Penguin Books.
- . 2023. *The New Leviathans: Thoughts After Liberalism*. London: Allen Lane.
- Hobbes, Th. 1991. "Leviathan, ili Materiya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo [Leviathan or The Matter, Forme and Power of a Commonwealth Ecclesiastical and Civil]" [in Russian]. In vol. 2 of *Sochineniya [Works]*, ed. by V. V. Sokolov, trans. from the English by A. Guterman, 3–590. 2 vols. M.: Nauka.
- Krouglov, A. N. 2014. "Rannaya retseptsiya 'Pervykh metafizicheskikh osnovaniy ucheniya o prave' Kanta v Rossii (konets XVIII—pervaya polovina XIX vekov) [The Early Reception in Russia of Kant's 'First Metaphysical Foundations of the Rechtslehre' (the End of the 18th — the First Half of the 19th Century)]" [in Russian]. In vol. 5 of *Sochineniya na nemetskom i russkom yazykakh [Works in Russian and German]*, by I. Kant, ed. by N. Motroshilovoy and B. Tushlinga, trans. from the German by N. Motroshilova, 723–825. 5 vols. Moskva [Moscow]: Kanon+ / ROOI "Reabilitatsiya".
- Solov'yev, E. Yu. 1974. "Teoriya 'obshchestvennogo dogovora' i kantovskoye moral'noye obosnovaniye prava [The Theory of 'Social Contract' and Kant's Moral Justification of Law]" [in Russian]. In *Filosofiya Kanta i sovremennost' [Kant's Philosophy and Modernity]*, ed. by T. I. Oyzermana, 164–235. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Yurchenko, S. V. 2005. "Obosnovaniye yestestvennogo prava u Gobbsa i Russo i grazhdansko-pravovaya kontseptsiya Kanta [Justification of Natural Law in Hobbes and Rousseau and Kant's Civil Law Concept]" [in Russian]. In vol. 2 of *Kant mezhdru Zapadom i Vostokom. Trudy mezhdunarodnogo seminar i mezhdunarodnoy konferentsii [Kant between West and East. Proceedings of the International Seminar and International Conference]*, ed. by V. N. Bryushinkina, 169–178. 2 vols. Kaliningrad: BFU im. I. Kanta [Immanuel Kant Baltic Federal University].